

Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного исследования классового сознания в украинском и развитых западных обществах. В качестве эмпирической базы взяты данные разных волн проекта по изучению социальных неравенств (“Social Inequality”), проводимого в рамках Международной программы социального исследования (ISSP).

Рассмотрены концептуализация классового сознания, методология и история его исследования в крупных международных проектах. Эмпирическая часть посвящена изучению двух аспектов классового сознания — классовой идентичности и осознания классовых интересов. Результаты исследования свидетельствуют, что классовые идентичности во всех сравниваемых странах достаточно сформированы, поскольку большинство представителей объективных классовых позиций (выделенных согласно классовой схеме Дж.Голдторпа) имеют соответствующие классовые идентичности, тогда как классовые интересы не всеми классами осознаются адекватно (сила связи объективной классовой позиции и социальных установок в отношении неравенства во всех сравниваемых странах довольно мала). В заключении обсуждаются методологические ограничения данного проекта, которые могут отражаться на выводах, и обосновывается необходимость мониторинга уровня классового сознания в украинском обществе.

Ключевые слова: *классовое сознание, классовая идентичность, осознание классовых интересов, установки в отношении социального неравенства*

Многие современные работы, посвященные классовому сознанию, начинаются с предсказания Карла Маркса относительно усиления поляризации классовой структуры, которое будет порождать революционную сознательность среди рабочего класса, что приведет в результате к свержению капитализма и установлению нового бесклассового общества [Маркс, Энгельс,

1955]. Далее следует констатация, что это предсказание в западных обществах не сбылось: западный капитализм выжил в череде циклов расцвета и спада в своем экономическом развитии, роста и ослабления поляризации классовой структуры в различные исторические периоды. Объяснение этому находят прежде всего в формировании и росте в течение второй половины XX века многочисленного среднего класса, имеющего относительно высокий уровень благосостояния. По мнению многих неомарксистов, капиталистическая идеология создала обещание изобилия, что привело к “ложному сознанию” среди рабочего класса, тем самым предотвращая революционные действия, переводя решение классовых по содержанию видов социальных конфликтов в индивидуализированные формы. Неравномерность экономического и социального положения разных профессиональных групп рабочего класса также препятствовала формированию классовой солидарности и разворачиванию масштабных классовых действий, которые охватывали бы не рабочих по отраслевому или профессиональному признаку, а весь пролетариат.

Западные социологи, убедившись, что рабочий класс оказался неспособным к выработке предполагаемого Марксом революционного уровня сознательности и, в результате, к реализации идеи альтернативного общества, постепенно снизили интерес к этой проблематике в конце XX века [Wallace, Junisbay, 2004]. Однако многочисленные свидетельства того, что уровень классового сознания тесно связан с реальными изменениями в экономике, со значительными колебаниями положения среднего класса, экономическими кризисами, перманентными вспышками классовой активности (забастовки авиадиспетчеров, шахтеров, учителей и т.п.), приводят к возрождению интереса к изучению классового сознания. В условиях “новой экономики”, главной особенностью которой является рост уровня негарантированности занятости и экономической неопределенности (проявляющихся в сокращении численности работников, снижении гарантий занятости и появлении различных альтернативных форм организации труда)¹, социологи вновь признали важным отслеживать данные относительно динамики уровня классового сознания и причин, на нее влияющих.

Интерес к проблематике классового сознания в постсоциалистических странах вызван иными общественными и экономическими процессами последних десятилетий. Социологи полагают, что в ситуации становления и углубления капиталистических отношений, усиливающейся поляризации социальных групп, роста неравенства доходов и жизненных шансов, структурной перестройки экономики, а параллельно распространения новых явлений занятости, присущих западной экономике (гибкая занятость, аутсорсинг, вторичная, случайная, множественная занятость и т.п.), логично ожидать усиления уровня классового сознания и классовой борьбы. В связи с этим актуализируется задача зафиксировать наличный уровень классового сознания в украинском обществе и отслеживать в будущем его колебания и факторы, их детерминирующие. Реализовать эту задачу особенно интересно в сравнительной международной перспективе, что расширит рамки оценивания состояния классового сознания в Украине.

¹ Подробнее о характеристиках новой ситуации занятости в развитых западных обществах см.: [Edwards, 1979; Cappelli, Bassi, Katz, 1997; Vallas, 1999; Wallace, Junisbai, 2004].

Концептуализация классового сознания

Концепт “классовое сознание” является неоднозначным в понимании социологов разных теоретических направлений¹. Тем не менее существует определенный консенсус в отношении того, как классовое сознание определять.

Одна из наиболее признанных классификаций теоретико-методологических подходов к этому объекту создана Эриком Олином Райтом [Wright, 1997]. Он констатирует, что изучение классового сознания уходит своими корнями в марксистскую школу классового анализа, к которой относятся попытки понять связь между классовыми конфликтами и социальными изменениями. Различая два главных подхода к анализу класса — процессуальный и структурный, Райт и классовое сознание концептуализирует в их рамках.

Процессуальные подходы концентрируются, в первую очередь, на проблеме *классовой идентичности*. В рамках этой традиции, которая развивается главным образом исследователями немарксистского направления, классовое сознание отождествляют с субъективной классовой идентификацией индивидов. *Классовая идентичность* (class identity), именуемая также синонимичным термином “*субъективный класс*” (subjective class), обычно рассматривается как “субъективное понимание, восприятие человеком собственного классового положения”. Третий близкий по смыслу термин — *классовые представления* (class awareness, class imagery) — относится к субъективному определению и интерпретации социального класса в общественном сознании² [Class awareness, 2005: p. 72–73; Class imagery, 2005].

Процессуальные подходы подчеркивают совокупное воздействие субъективного классового опыта на формирование классовой идентичности; ее видят как результат классовой траектории личности в течение жизненного цикла. Райт постулирует два важных момента для изучения классовой идентичности [Wright, 1997]. Первый момент: “идентичность” имеет как когнитивный, так и эмоциональный компонент. Познавательность идентичности просто определяет, как люди помещают себя в различные системы формальной классификации. Эмоционально идентичность относится к видам классификаций, субъективно существенных в системе значений человека. Второй момент: поскольку значения не формируются и не преобразуются мгновенно, как только человек перемещается в новые классовые положения, постольку классовая идентичность может рассматриваться как “взгляд назад” (“backward-looking”): она внедрена в личную историю и в пути, которыми эта личная история привязана к истории сообществ и социальных групп. Классовое же сознание, структурированное вокруг интере-

1 Об истории концептуализации классового сознания в современной западной социологии см.: [Wright, 1997; Durrenberge, 2001; Wallace, Junisbai, 2004].

2 Под *классовыми представлениями* имеют в виду “понятия и представления социальных акторов о классе, классовой структуре, а также о распределении власти”. Этот оригинальный подход к изучению классового сознания направлен на изучение представлений о классовой структуре — того, что люди думают о природе и источниках классовых различий. Большинство эмпирических исследований классовых представлений касалось рабочего класса, среди них работы: [Chinoy, 1955; Bott, 1957; Popitz, 1957; Zweig, 1961; Lockwood, 1966, 1989; Savage, 2005].

сов, напротив, обращается к ожиданиям о будущем и может, таким образом, представляться как “взгляд вперед” (“forward-looking”).

Классовая идентичность является наиболее социологически изученным аспектом классового сознания: она подвергнута глубокой теоретической разработке; создана изошренная методология и эффективные, “тонкие” методики, апробированные в крупных национальных и международных исследовательских проектах. Среди работ социологов, реализовавших в своих исследованиях процессуальный подход, чьи идеи и результаты нашли широкое признание, назову, например, такие: [Centers, 1949; Hodge, Treiman, 1968; Tajfel, Turner, 1979; Elster, 1982, 1985; Jackman, Jackman, 1983; Lockwood, 1989; Vanneman, Weber Cannon, 1987; Wright, 1997; Skeggs, 1997, 2003; Savage, 2001; Bottero, 2004; Sobel, 2004; Surridge, 2007; Levi, 2007]).

Структурные подходы сосредоточивают внимание на роли *классовых интересов*, определяемых текущим классовым положением. Данные многочисленных исследований свидетельствуют, что нынешняя объективная классовая позиция индивидов имеет приоритет по сравнению с предыдущим классовым опытом при формировании классового сознания. В связи с этим внезапные негативные изменения в жизненной ситуации (увольнение, угроза безработицы, снижение заработной платы и др.) могут сыграть свою роль в актуализации классовой идентичности и в углублении осознания реальных классовых интересов, тем самым приведя к повышению уровня классового сознания.

Считают, что структуралистские исследования классового сознания в большей мере соответствуют первоначальному значению данного понятия у Маркса, согласно которому классовое сознание детерминировано тем, насколько ясно люди воспринимают социальные классы как имеющие подобные или отличающиеся экономические и социально-политические интересы. Этот подход рассматривает субъективное классовое определение в качестве независимой переменной формирования классового сознания индивида, то есть осознания своих интересов как члена определенного класса (например, [Wright, 1989, 1997]).

Таким образом, неомарксисты считают, что классовое сознание прежде всего отражает понимание, осознание членами класса своих объективных классовых интересов. Марксистская традиция определения классового сознания связана с трактовкой интересов и их адекватного или неадекватного восприятия, что отражено в понятии ложного сознания. В XX веке было проведено много заметных исследований классового сознания в рамках структуралистской парадигмы, например: [Лукач, 2003; Манхейм, 1992; Грамши, 1991; Маркузе, 2002; Kalleberg, Griffin, 1980; Wright, 1989, 1997; Wright, Perrone, 1977; Wright, Shin, 1988]. Большая часть исследований была направлена на глубокий анализ классового сознания рабочих, среди них: [Aronowitz, 1973; Buttell, Flinn, 1979; Davis, 1986; Fantasia, 1988; Leggett, 1968; Lockwood, 1966, 1989; Lopreato, Hazelrigg, 1972; Marshall, 1983, 1997; Rosenberg, 1953; Sallach, 1974; Thompson, 1963].

Отмечу, что классовая идентичность и классовые интересы могут совпадать и усиливать друг друга, но могут также развиваться в разных направлениях (последнее особенно часто встречается среди людей, которые претерпели в своей жизни быструю нисходящую или восходящую мобильность). Райт утверждает, что, в конечном счете, эти два явления представляют собой два вида классового сознания — *классовое самосознание личности*

и осознание классовых интересов. Кстати, современные исследователи стремятся сочетать структурный и процессуальный подходы в конкретных исследованиях классового сознания.

Еще один востребованный в исследованиях классового сознания подход связан с предположением ряда ученых, что классовое сознание складывается из нескольких уровней (стадий, этапов, аспектов) понимания акторами своих классовых интересов, в соответствии с которыми можно оценивать меру революционности сознания [Rosenberg, 1953; Leggett, 1968; Mann, 1973; Дилигенский, 1975]. Пожалуй, наиболее широкое признание получила теория о различных уровнях классового сознания, разработанная Майклом Манном. Он выделил в классовом сознании четыре взаимосвязанных уровня, последовательно отражающих уровни зрелости класса [Mann, 1973: p. 24–33].

Первый уровень — *классовая идентичность* (class identity) — отражает восприятие членами класса их собственной позиции в классовой структуре (Манн говорит о способности рабочего класса идентифицировать себя как класс, признавать свои интересы как классовые, как структурированные их особой ролью в процессе производства). Второй уровень — *классовая оппозиция* (class opposition) — умение членов класса определять классовых оппонентов через противоположность классовых интересов (предполагает осознание того, что интересы рабочего класса отличны от интересов класса капиталистов). Во многих отношениях классовая идентичность и классовая оппозиция рассматриваются как уровни, диалектически взаимодействующие, усиливающие друг друга. Третий уровень — *классовая тотальность* (class totality) — отражает представления членов класса о всеобщности как для каждого из них, так и для общества указанных ситуаций противоположности интересов и идентичности (этот уровень достигается, когда работники воспринимают собственную социально-экономическую ситуацию и все общественное устройство с классовой точки зрения). Четвертый уровень — *социальная альтернатива* (an alternative society) — предполагает формирование идеи желаемого общественного устройства, при котором преодолевается “угнетенное положение” класса, и артикуляцию реальных путей его достижения (на этом этапе рабочие создают и реализуют видение альтернативного общества посредством коллективной классовой борьбы с капиталистами).

Согласно Манну, предполагаемый Марксом уровень “революционного сознания” возникает только тогда, когда в среде рабочего класса сочетаются все четыре описанных уровня. Таким образом, “марксизм является теорией эскалации сознания от первого уровня до четвертого. Сознание растет по мере того, как работник соотносит свой конкретный опыт с анализом более широких, а затем альтернативных структур” [Mann, 1973: p. 13].

Согласно Манну, классовое сознание британских рабочих обычно ограничено первым уровнем и лишь иногда достигает второго. Он считает, что можно сформировать классовое мировоззрение, а также групповую солидарность, но “довольно маловероятно”, что рабочий класс способен самостоятельно выработать альтернативное представление о новом обществе. В большинстве работ по соответствующей тематике высказывается мнение, что состояние сознания рабочего класса изменчиво во времени, и обычно оно значительно ниже уровня истинно революционного сознания.

Несмотря на такой скептицизм, Манн и другие исследователи [Mann, 1973; Lopreato, Hazelrigg, 1972; Wallace, Junisbai, 2004] считают, что классово-

вое сознание нужно изучать перманентно, не дожидаясь появления редких “революционных моментов” и состояния абсолютно зрелого классового сознания (которые, как указывал еще Маркс, длятся обычно довольно короткое время). Авторы указывают на полезность исследования динамики классового сознания в нереволлюционные исторические периоды, в частности, следует изучать причины его усиления и ослабления, фиксировать колебание его уровня, идентифицировать социальные классы, которые противостоят друг другу в разные периоды.

В данной статье внимание направлено на изучение первого и второго уровней зрелости классового сознания (по Манну) — классовой идентичности и осознания людьми противоположности классовых интересов. Во-первых, эти уровни являются базовыми в траектории движения к революционной сознательности; во-вторых, они относительно легкодоступны для социологических исследований и статистического анализа, по сравнению с более высокими стадиями (классовой тотальности и видения социальной альтернативы); в-третьих, возможность их эмпирического изучения заложена в методическом инструментарии доступных автору статьи международных социологических проектов.

Опыт изучения классового сознания в международных проектах

Помимо сложности концептуального определения классового сознания общепризнана и проблемность его эмпирического изучения. В последние десятилетия развитие концепции классового сознания шло в рамках крупных международных сравнительных проектов. Среди наиболее масштабных проектов, в которых анализ классового сознания выступал специальной задачей и для которых была разработана особая методология, — *Проект сравнительного классового анализа* (Comparative Class Analysis Project), основанный на методологии Э.О.Райта (он имел три волны — 1985, 1987 и 1997 годов; его данные обобщены в книге Райта “Class Count” [Wright, 1997]), и *Программа международного социального исследования* (International Social Survey Programme — ISSP), в рамках которой четырежды (в 1987, 1992, 1999 и 2009 годах) осуществлялся проект по изучению социальных неравенств (“Social Inequality”).

Богатый аналитический потенциал последнего проекта был реализован в многочисленных социологических исследованиях¹. Среди них — изучение классовой структуры, классового сознания и поведения социологами Эссекского университета [Marshall, Newby, Rose, 1993], исследование политического сознания и поведения различных социальных классов, проведенное под руководством Дж.Эванса [Heath, Jowell, Evans, Field, 1991; Evans, 1993; Evans, Mills, 1998], сопоставление особенностей политического сознания профессионалов в разных странах исследовательской группой С.Бринта [Brint, Cunningham, Lee, 1997], изучение под руководством Э.Хелси шансов классов в получении образования [Halsey, Heath, Ridge, 1987], сравнительное исследование социальных установок группой Р.Джовела [British, 1989, 1998; International, 1993; Modern, 1999], изучение особенностей классового

¹ Широкая библиография представлена на сайте проекта ISSP (<http://www.issp.org/public.shtml>).

сознания и классового конфликта группой под руководством Дж.Келли и М.Д.Р.Эванса [Kelly, Evans, 1995, 1999], сопоставление классового распределения и установок относительно социального неравенства, роли государства в регулировании социально-экономического неравенства Я.Делеем [Delhey, 1999].

Задача изучения классового сознания в проекте ISSP была продиктована желанием эмпирической проверки распространенного в 1980-х годах среди обывателей и социологов стереотипа, что ситуация с классовым сознанием в развитых западных странах различна, а именно: Соединенные Штаты Америки представляли как образец бесклассового общества, а Великобританию, напротив, как в высокой степени обладающую классовым сознанием и классово разделенную нацию, с длинной историей неравенств во многих сферах жизни, например в образовательных достижениях, состоянии здоровья, уровне дохода, психологическом благополучии [Evans, 1993: р. 123]. Социологи хотели изучить, осознают ли люди классовое разделение? Эти общепринятые образы американской бесклассовости и британской классовой разделенности было решено проверить эмпирически, опираясь на единый методический и выборочный дизайн.

С середины 1990-х годов к проекту ISSP подключился ряд постсоциалистических стран. Интерес состоял в том, чтобы понять, какова ситуация с классовым сознанием в странах, в которых десятилетиями люди находились под влиянием идеологического лозунга о “бесклассовом обществе”, “классовой однородности”, “сглаживании классовых различий”; где действовали принципы государственного регулирования всех сфер жизни, всеобщей занятости, выравнивания оплаты труда и т.п. Эмпирической проверки требовала гипотеза о том, что за последние два десятилетия с появлением рыночных отношений, частного сектора, государственного дерегулирования, выраженной имущественной дифференциации, в постсоциалистических обществах не только оформились классовые интересы и противостоящие классовые позиции, но и сформировалось классово специфичное сознание у членов разных классов, подобное по своим характеристикам западным аналогам. Ожидается, что особенно эффективными для доказательства или опровержения воздействия новой классовой структуры на классовое сознание будут данные, полученные в рамках сравнительного международного исследования. Самый общий исследовательский вопрос: действительно ли в постсоциалистических обществах, в том числе и в Украине, начинают развиваться характерные для западных обществ виды классовых разделений?

Методология изучения классового сознания в проекте ISSP

Современные исследователи, которые эмпирически изучают классовое сознание, стремятся к реализации комбинированного методологического подхода, который бы учитывал влияние на классовое сознание как структурных характеристик (особенности занятости, уровень профсоюзного движения, социальное происхождение и др.), так и процессуальных (связанных с личным опытом индивида).

Методологическая и эмпирическая схема анализа Эрика Олина Райта сосредоточена на двух аспектах содержания классового сознания — субъективной классовой идентификации и установках, отражающих классовые интере-

сы рабочих и капиталистов¹ [Wright, 1997: p. 505–506]. Такая же идея и методология изучения классового сознания заложена в основу модуля “Социальное неравенство” в рамках проекта ISSP². Согласно Джеффри Эвансу, наиболее доказательный критерий степени классовой дифференциации определенного общества — сила связи объективных классовых положений людей и, во-первых, их классовых идентичностей, во-вторых, их установок в отношении социального неравенства [Evans, 1993]. В связи с этим в рамках сравнительного проекта исследователю необходимо ответить на следующие два вопроса. Насколько отличны социальные установки представителей капиталистического, рабочего и среднего классов в каждой стране? Насколько существенна связь между классовым положением и классовой идентичностью?

Для реализации такого замысла с целью изучения классового сознания в анкету модуля “Социальное неравенство” проекта ISSP заложены вопросы, на основании которых можно определять объективные классовые позиции, фиксировать классовую идентичность и судить о разнообразных установках, касающихся социального неравенства. *Объективные классовые позиции* идентифицированы в проекте согласно классовой типологии Джона Голдторпа. В анкету заложены необходимые переменные для построения EGP-классов. *Классовая идентичность* определяется путем соотнесения респондентом себя с одной из категорий по предложенной шкале (набор классовых номинаций в разных волнах проекта не был одинаковым; например в анкете 2009 года: низший класс, рабочий, нижний средний, средний, высший средний, высший). *Установки*³ относительно социального неравенства операционализированы в проекте в виде большого набора переменных, среди них: предательства о степени социального неравенства доходов, справедливости заработной платы, поддержке политики перераспределения доходов, шансах достижения жизненного успеха, восприятие людьми классового конфликта, поддержка политических партий, имеющих ясную классово ориентированную идеологию.

Коллекция соответствующих данных обеспечивает широкую информационную базу, позволяющую судить об особенностях классового сознания в разных странах.

Эмпирическая база исследования

С целью сравнительного изучения классового сознания в Украине и развитых западных странах мной использованы данные разных волн проекта по изучению социальных неравенств (“Social Inequality”), реализуемого в рамках Международной программы социального исследования (ISSP). Источ-

¹ Среди исследователей общепризнано, что изучать восприятие людьми классовых интересов возможно через их разнообразные установки в отношении социального неравенства.

² Описанная методология анализа классового сознания и соответствующие данные отражены, в частности, в таких публикациях: [Evans, 1993, 1999; Wright, 1997; Wallace, Junisbai, 2004].

³ *Социальная установка* (social attitude) — относительно стабильное убеждение, которое предопределяет готовность индивида к определенному социальному поведению; при этом предполагается, что установка имеет сложную структуру и включает ряд компонентов: предрасположенность воспринимать, оценивать и, как итог, действовать в контексте данного социального явления определенным образом.

ником данных по Украине стал национальный массив проекта “Социальное неравенство” 2009 года (объем выборки 2012 человек). В ожидании данных четвертой волны других стран для сравнительного анализа я использовала массив третьей волны 1999 года. В ней приняли участие 27 стран, однако для анализа взята группировка девяти развитых капиталистических стран (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Западная Германия, Великобритания, Испания). Выбор именно этих стран обоснован тем, что их массивы содержат закодированную в соответствии с Международным стандартным классификатором профессий ISCO-88 переменную профессии респондентов, наличие которой является обязательным элементом при конструировании классовой схемы EGP, используемой мной для определения объективных классовых позиций респондента.

Отдавая себе отчет в некорректности сравнения данных 1999 и 2009 годов, я все-таки прибегаю к этому сопоставлению с целью протеста перед анализом данных всех стран-участниц проекта, которые ожидаются в 2011 году. Это позволит мне в ситуации конкретного эмпирического исследования освоить методологию изучения классового сознания, заложенную в этот проект, апробировать конкретные методики и статистический аппарат анализа данных, а также сформулировать ряд гипотез, которые будут проверены при наличии массивов всех стран-участниц.

Результаты эмпирического исследования

Описанная выше методология анализа классового сознания включает два основных направления — изучение классовой идентичности и классовых установок относительно социального неравенства. Результаты исследования на основе описанной эмпирической базы представлены ниже в виде двух сюжетов.

Взаимосвязь между классовой позицией и классовой идентичностью

Анализируя связь классовой позиции и классовой идентичности (см. табл. 1)¹, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, из шкалы с четырьмя классовыми идентичностями наиболее востребованы респондентами всех сравниваемых стран две — “средний

¹ В проекте ISSP о *классовой идентичности* судят на основании ответа респондента на вопрос “Большинство людей обычно относят себя к какому-то социальному классу. Скажите, пожалуйста, к какому классу относите себя Вы?” (переменную в массиве традиционно именуют “субъективный класс”). Для ответа на этот вопрос в анкете 2009 года заложена шкала из шести категорий (низший, рабочий, нижний средний, средний, высший средний, высший класс), а в анкете 1999 года соответствующая шкала содержала несколько иной набор категорий. В связи с этим для сравнительного анализа переменная “субъективный класс” была приведена мной во всех массивах к единой шкале с четырьмя категориями: высший класс, средний, рабочий и низший.

Объективные классовые позиции идентифицированы согласно классовой типологии Джона Голдторпа. Для построения EGP-классов использован синтаксис Гарри Ганзбума (Ganzeboom) 1994 года, конструирующий 10 классовых категорий. Они были сгруппированы в пять укрупненных классов: служебный (I и II), промежуточный (III и V), мелкая буржуазия (IVa, IVb и IVc), квалифицированные рабочие (VI) и неквалифицированные (VIIa и VIIb).

класс” и “рабочий класс” (по выборке их выбрали совокупно более 90% респондентов). В развитых капиталистических странах 60% респондентов идентифицировали себя со средним классом и 36% — с рабочим, что вполне очевидно свидетельствует в пользу определения западного общества как “общества среднего класса”, по крайней мере по самоощущениям его членов. В Украине доля субъективного среднего класса составляет 50% и рабочего класса — 40%, что, на мой взгляд, указывает на весьма оптимистичный тренд социально-экономического развития страны и самочувствия ее граждан. К крайним же позициям шкалы идентичности — “высший класс” и “низший класс” — относят себя в западных странах очень редко (соответственно 1,2% и 2,8%), а вот в Украине категория “низший класс” востребована для самоидентификации значительно чаще (9,4%), а “высший класс” — реже (0,2%).

Таблица 1

Связь объективного и субъективного классов в разных странах, %

EGP-классы	Субъективный социальный класс			
	Высший	Средний	Рабочий	Низший
Украина				
Служебный класс	0,6	79,4	13,1	6,9
Промежуточный класс	0	63,9	28,1	7,9
Мелкая буржуазия	0	60,2	36,4	3,4
Квалифицированные рабочие	0	31,0	59,5	9,5
Неквалифицированные рабочие	0	23,2	62,0	14,7
По выборке в целом (N = 1799)	0,2	50,5	39,9	9,4
Развитые капиталистические страны				
Служебный класс	1,7	77,1	20,2	1,0
Промежуточный класс	0,8	60,8	35,6	2,8
Мелкая буржуазия	1,7	63,2	31,8	3,3
Квалифицированные рабочие	0,4	38,8	58,4	2,4
Неквалифицированные рабочие	0,8	38,5	54,9	5,8
По выборке в целом (N = 7086)	1,2	60,0	36,1	2,8

Во-вторых, во всех сравниваемых странах прослеживается выразительная взаимосвязь объективного и субъективного классов. Представители объективных классов, которые принято называть “средними”, — служебный (как высший средний класс), промежуточный (как нижний средний) и мелкая буржуазия (как старый средний) — идентифицируют себя значительно чаще со средним классом, чем с рабочим. В свою очередь, большая часть респондентов, занимающих позиции “объективного” рабочего класса (квалифицированные и неквалифицированные рабочие), выбирают идентичность “рабочий класс”. (Кстати, вполне закономерно, что неквалифицированные рабочие чаще членов других классов относят себя к низшему классу.) Интересно, что профили классовой идентификации у представителей разных социальных классов в Украине и западных странах очень близки, несмотря на процентные различия.

В-третьих, связь между классовой позицией и классовой идентичностью, измеряемая значением коэффициента Eta^1 , оказалась достаточно сильной во всех странах (см. табл. 2). Причем значение Eta в отношении идентификации с рабочим классом выше в Украине (0,43), чем в развитых капиталистических странах (0,31). Логично предположить, что связь между идентификацией с рабочим классом и соответствующей объективной классовой позицией теснее в странах, имеющих большой индустриальный сектор и традиции идеологического доминирования рабочего класса в недавнем историческом прошлом. Однако сложно объяснить, почему в Украине в сравнении с западными странами оказалась больше и сила связи идентичности “средний класс” и соответствующих классовых позиций (0,47 и 0,33 соответственно).

Таблица 2

Связь между объективной и субъективной классовыми позициями (% назвавших себя представителем “рабочего класса” и “среднего класса” в каждой “объективной” классовой категории)*

EGP-классы	Идентификация с категорией “рабочий класс”		Идентификация с категорией “средний класс”	
	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны
Служебный класс	13,1	20,2	79,4	77,1
Промежуточный класс	28,1	35,6	63,9	60,8
Мелкая буржуазия	36,4	31,8	60,2	63,2
Квалифицированные рабочие	59,5	58,4	31,0	38,8
Неквалифицированные рабочие	62,0	54,9	23,2	38,5
По выборке в целом	39,9	36,1	50,5	60,0
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,43</i>	<i>0,31</i>	<i>0,47</i>	<i>0,33</i>
Количество респондентов	1799	7086	1799	7086

Резюмируя представленные данные, можно утверждать, что взаимосвязь объективного и субъективного класса довольно сильна в сравниваемых странах (причем в Украине в наибольшей степени). Это значит, что люди вполне адекватно осознают свою классовую позицию; что первый уровень классового сознания, согласно типологии Манна, можно характеризовать как вполне сформированный. Это еще одна причина говорить об актуальности понятия “социальный класс” не только как востребованного теоретического конструкта для анализа современных обществ, но и как категории для социального самоопределения.

Однако к выводам стоит относиться с осторожностью, поскольку, во-первых, они сделаны на основе данных разных волн; во-вторых, определенное ис-

¹ Значение коэффициента η (Eta) является мерой силы связи между двумя переменными, в данном случае объективной классовой позицией (независимая переменная) и категорией самоидентификации “рабочий класс”, “средний класс” (зависимая переменная). Чем ближе значение Eta к 1, тем больше сила связи двух переменных.

кажение реального положения дел может быть связано с использованием шкал с разным набором классовых категорий при измерении субъективного класса в разных волнах проекта. Третьим поводом для сомнения является слишком прямолинейный и грубый способ измерения классовой идентичности, заложенный в проекте¹. Предложенный методический инструмент позволяет “снять” только когнитивный аспект идентификации, хотя общепризнано, что в идеале изучение классовой идентичности должно быть направлено не только на анализ форм и критериев идентификации человека с определенным классом (когнитивный компонент), но и на выяснение значимости этой идентичности в формировании личности, социальных отношений и реального поведения человека (эмоциональный компонент). Только такое комплексное знание о качестве классовой идентичности позволяет более или менее уверенно прогнозировать потенциал формирования более высоких уровней классового сознания и классового действия членов разных классов.

Связь классовой позиции и установок в отношении социального неравенства

Согласно Джеффри Эвансу, сила связи между “объективным” и “субъективным” социальным классом — важный индикатор классовых различий в обществе, но не единственно уместный. Даже если чувство классовой идентичности людей слабо, они могут, тем не менее, разделять общие классовые интересы, в частности, иметь устойчивые представления о степени социального неравенства [Evans, 1993: p. 127]. То есть объективные классовые позиции людей могут влиять на их установки независимо от того, как они маркируют себя (свою классовую позицию) и маркируют ли вообще.

В проекте ISSP обычно эмпирически проверяется вопрос: разделяют ли представители “объективных” классов установки относительно социального неравенства? Однако Райт считает, что восприятие классовых интересов формируется не только классовыми положениями, но и классовыми идентичностями. В связи с этим оправданно изучать социальные установки, проверяя влияние как объективного, так и субъективного класса [Wright, 1997: p. 505–516]. Следуя этой идее, я изучала связь классовых установок с классовым положением и классовой идентичностью респондента.

Социальные установки во всех волнах проекта представлены в виде ряда переменных, среди них: представления о степени неравенства доходов, справедливости заработной платы, поддержке политики перераспределения, шансах достичь успеха, восприятие людьми классового конфликта и др. Последовательно рассмотрим связь объективного (и субъективного) класса и названных социальных установок.

¹ Большинство исследователей признают, что наиболее удачным способом измерения классовой идентичности является использование не готовой шкалы с закрытым перечнем классовых категорий, а методики спонтанной идентификации (см., напр.: [Wright, 1997]). В частности, Райт исходит из предположения, что спонтанные ответы указывают на большую “выпуклость” (salience) классовой идентичности, чем принудительный выбор; это позволяет ему создать переменную идентичности рабочего класса, которая отражает и познавательные и эмоциональные аспекты идентичности.

Класс и восприятие неравенства в доходах

Одна из важных социальных установок — это установка в отношении степени неравенства в доходах. Судить о ней можно, проанализировав ответы респондентов на утверждение “В Вашей стране слишком большая разница в доходах”. Варианты ответа содержали 5-балльную шкалу от “полностью согласен” до “полностью не согласен”.

Судя по данным таблицы 3, большинство населения во всех сравниваемых странах разделяет мнение о высокой степени неравенства в доходах. Причем если в развитых капиталистических странах в среднем около трех четвертей респондентов подтверждают существование этого неравенства, то в Украине фиксируются крайне высокие оценки — 96,4%.

Таблица 3

Класс и степень восприятия социального неравенства в доходах (% в каждом классе согласных¹ с утверждением, что “слишком большая разница в доходах”)

<i>Классы</i>	<i>Украина</i>	<i>Развитые западные страны</i>
ЕГР-классы		
Служебный класс	96,8	65,5
Промежуточный класс	96,3	76,7
Мелкая буржуазия	98,3	67,0
Квалифицированные рабочие	93,0	81,3
Неквалифицированные рабочие	95,5	81,8
<i>По выборке в целом</i>	96,4	73,3
<i>Коэффициент Eta</i>	0,04	0,16
Количество респондентов	1783	8119
Субъективные классы		
Высший класс	98,9	52,6
Средний класс	93,9	67,4
Рабочий класс	95,7	83,3
Низший класс	93,9	86,1
<i>По выборке в целом</i>	94,6	72,4
<i>Коэффициент Eta</i>	0,05	0,19
Количество респондентов	1963	8910

В западных обществах очевидны классовые различия в установках: социальные неравенства в доходах более остро воспринимают представители рабочего (81,8% неквалифицированные и 81,3% квалифицированные рабочие) и промежуточного классов (76,7%), чем представители служебного класса (65,5%) и мелкой буржуазии (67%). А вот в постсоветской Украине вообще нет значимых различий между классами в восприятии социального

¹ К “согласным” в этой и последующих таблицах отнесены те, кто ответил “полностью согласен” и “скорее согласен”.

неравенства в доходах: этот вид неравенства представителями всех объективных классов воспринимается одинаково остро. Эти различия сравниваемых стран подтверждаются значениями коэффициента *Eta*: если в Украине сила связи минимальна (0,04), то в западных странах она относительно выше (0,16)¹.

Зафиксированные закономерности относительно восприятия социального неравенства в доходах интересно было проверить и на данных по субъективным классам. Данные таблицы 3 со всей очевидностью подтверждают ту же закономерность и среди представителей субъективных классов — классово недифференцированное восприятие неравенства в доходах в Украине и относительно классово дифференцированное — в развитых капиталистических странах.

Таким образом, высокий уровень представлений о социальном неравенстве во всех объективных и субъективных классах говорит о том, что существующая дифференциация доходов нелегитимирована в постсоветской Украине. Можно предположить, что доходы распределяются отнюдь не в пользу одного из этих классов.

Класс и восприятие справедливости заработной платы

Судить об установках людей в отношении социального неравенства можно и на основании восприятия степени справедливости получаемой ими заработной платы². В таблице 4 представлено распределение респондентов, которые считают, что получаемая ими заработная плата “значительно меньше” или “меньше”, чем они заслуживают.

Очевидно, что в Украине 80% населения считают свою заработную плату несправедливой, в то время как в развитых капиталистических странах этого мнения придерживаются в среднем 57% респондентов. Таким образом, налицо значительно более острое восприятие социальной несправедливости в Украине.

Несмотря на то, что доля недовольных заработной платой в западных странах ощутимо ниже, чем в Украине, сила связи между классовой позицией и мнением о справедливости оплаты труда, измеряемая значением *Eta*, одинаково низкая (0,07 и 0,14). Анализируя влияние объективной классовой позиции, следует отметить такую тенденцию: во всех сравниваемых странах мнение о несправедливости заработной платы в меньшей мере характерно для представителей служебного класса и мелкой буржуазии (самозанятых, имеющих и не имеющих наемных работников), чем для представителей остальных классов, состоящих из наемных работников. В западных же стра-

¹ Замечу, что в разных западных странах есть значимые классово детерминированные различия в восприятии неравенства: в США значение *Eta* — 0,08, а в Великобритании — 0,21, Австрии — 0,25, Нидерландах — 0,30. Тем самым подтверждается гипотеза о меньшей классовой дифференциации в США по сравнению с европейскими странами, причем среди последних Великобритания не исключительна по силе влияния класса на мнения о неравенстве доходов.

² В анкете соответствующий вопрос звучит так: “Что бы Вы сказали о том, сколько Вы зарабатываете...”. Варианты ответа от 1 — “значительно меньше, чем заслуживаю” до 5 — “значительно больше, чем заслуживаю”.

нах свою зарплату считали ниже справедливой и заслуженной чаще представители рабочего класса, чем мелкой буржуазии и служебного класса.

Таблица 4

**Класс и восприятие социального неравенства в оплате труда
(% в каждом классе считающих, что их заработная плата
значительно меньше или меньше, чем они заслуживают)**

<i>Классы</i>	<i>Украина</i>	<i>Развитые западные страны</i>
ЕГР-классы		
Служебный класс	76,5	49,5
Промежуточный класс	82,8	59,0
Мелкая буржуазия	75,0	50,2
Квалифицированные рабочие	80,5	63,3
Неквалифицированные рабочие	84,3	65,6
По выборке в целом	80,4	56,7
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,07</i>	<i>0,14</i>
Количество респондентов	1646	7119
Субъективные классы		
Высший класс	–	41,5
Средний класс	73,2	47,5
Рабочий класс	83,7	60,4
Низший класс	75,7	63,9
По выборке в целом	77,5	52,4
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,12</i>	<i>0,13</i>
Количество респондентов	1807	7477

Исходя из значений *Eta*, показатель субъективного класса оказался имеющим примерно такую же (низкую) дифференцирующую силу в восприятии справедливости заработной платы, как и показатель “объективного” класса (см. табл. 4). Тем не менее заметна тенденция: в развитых капиталистических странах доля считающих свою зарплату несправедливой последовательно возрастает от высшего класса к низшему. В Украине представители субъективного рабочего класса острее воспринимают несправедливость оплаты труда, чем представители и среднего класса, и низшего.

Класс и поддержка политики перераспределения

Эмпирической проверке в ходе проекта подлежит вопрос о том, влияют ли классовые идентичности людей и восприятие ими социального неравенства на их склонность поддерживать социальную политику, направленную на сокращение неравенств, связанных с классом. С этой целью используют ряд вопросов о роли правительства в перераспределении ресурсов, содержание которых интерпретируют как поддержку респондентами *принципа перераспределения*. Среди них — поддержка государственной политики

перераспределения доходов, а также соответствующих стратегий реализации этой политики (обеспечение приемлемого уровня жизни для безработных; уменьшение расходов на пособия для бедных)¹. Ответы на эти вопросы представлены в виде 5-балльной шкалы отношений к политике перераспределения (от “полностью согласен” до “полностью не согласен”).

Данные таблицы 5 позволяют сравнить уровень поддержки политики перераспределения среди представителей разных стран и разных классов.

Таблица 5

Класс и поддержка принципа перераспределения (% в каждом классе согласных с утверждением, что “Правительство обязано уменьшить различие в доходах между лицами с высокими и низкими доходами”)

<i>Классы</i>	<i>Украина</i>	<i>Развитые западные страны</i>
ЕГР-классы		
Служебный класс	90,7	45,8
Промежуточный класс	92,4	58,5
Мелкая буржуазия	81,6	45,3
Квалифицированные рабочие	91,6	61,3
Неквалифицированные рабочие	90,8	65,4
По выборке в целом	90,7	54,4
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,08</i>	<i>0,17</i>
Количество респондентов	1749	7998
Субъективные классы		
Высший класс	–	33,3
Средний класс	89,0	48,6
Рабочий класс	90,5	62,3
Низший класс	93,5	72,2
По выборке в целом	90,1	54,1
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,05</i>	<i>0,14</i>
Количество респондентов	1922	8910

Из вышеизложенных данных (см. табл. 3) известно, что 96,4% населения Украины разделяют мнение, что различия в доходах слишком велики. Вполне ожидаемо, что доля согласных с политикой перераспределения доходов оказалась в нашей стране очень высокой — 90,7% (см. табл. 5). В западных же странах оценка социального неравенства сравнительно ниже

¹ Вопросы были сформулированы следующим образом: “Насколько Вы согласны или не согласны со следующими утверждениями: правительство обязано уменьшить различие в доходах между лицами с высокими и низкими доходами; правительство обязано обеспечить приемлемый уровень жизни для безработных; правительству нужно уменьшить расходы на социальные выплаты бедным?” В предыдущих волнах проекта кроме названных изучались и такие стратегии: гарантия рабочих мест для каждого, базовый доход для каждого.

(73,3%), соответственно ниже и доля поддерживающих политику перераспределения (54,4%). Таким образом, очевидно, что установки населения относительно роли государства в перераспределении ресурсов значительно более эгалитаристские в Украине, чем в западных странах¹.

Принимая во внимание значения коэффициента *Eta*, отмечу, что влияние классовой позиции на одобрение принципа перераспределения во всех странах невелико (0,08 в Украине и 0,15 в западных странах). Однако даже в Украине очевидна тенденция: представители мелкой буржуазии в меньшей степени поддерживают политику перераспределения, чем представители классов, состоящих из наемных работников. В западных странах кроме мелкой буржуазии еще и представители служебного класса придерживаются более либеральных экономических взглядов, а вот представители рабочего и промежуточного классов в большей мере поддерживают политику перераспределения.

Судя по значению коэффициента *Eta*, сила связи субъективного класса и установки на одобрение принципа перераспределения минимальна в Украине (0,05) и более выражена в западных странах (0,14). Так, в западных странах согласных с политикой перераспределения доходов среди субъективного рабочего и нижнего класса почти в полтора раза больше, чем среди среднего.

Класс и восприятие путей достижения жизненного успеха

Учитывая факты многообразных неравенств достижений между социальными классами, западные социологи предположили, что представители различных классов объясняют факторы жизненного успеха по-разному. Гипотеза состояла в том, что люди рабочего класса склонны видеть причины успеха в большей мере в преимуществах, связанных с деньгами и связями, и в меньшей — в личных качествах, а представители среднего класса, напротив, имеют меритократическую концепцию достижений, делающую акцент на усердной работе и способностях [Goldthorpe, Lockwood, Bechhofer, Platt, 1969].

Идеалом справедливости при достижении жизненного успеха люди считают равенство возможностей, а неравенство полагают оправданным в том случае, когда оно выступает следствием не структурных ограничений (происхождения, связей, богатства семьи, образования родителей), а следствием того, что одни люди прилагают меньше усилий, чем другие, для достижения успеха при равных возможностях. Этот идеал был описан как “доминирующая идеология” (“the dominant ideology”) [Huber, Form, 1973] или как “идеология успеха” (“the success ideology”) [Ichheiser, 1949]. Западные социологи на основании результатов многочисленных исследований считают, что этот идеал является основанием для оправдания социальных неравенств даже представителями рабочего класса и бедных групп населения. Например, исследователи США политическую неподвижность рабочего

¹ Кстати, вывод об эгалитаристской идеологии как доминирующей в постсоциалистических странах аргументированно представлен в исследовании Яна Делея [Delhey, 1999]. А вот в развитых капиталистических странах фиксируется значительно меньше сторонников эгалитаризма, особенно в отношении роли государства в перераспределении ресурсов.

класса объясняют именно распространением во всех слоях общества “американской мечты”, то есть принятием идеологии равенства возможностей (см.: [Kluegel, Smith, 1986; Huber, Form, 1973]). Согласно данным социологических исследований, в современной Великобритании большинство людей разделяют мнение о слишком большом социальном неравенстве, в то же время, усматривая разнообразные стратегии его сокращения. Так, признавая важность социального происхождения и связей в карьерном и жизненном продвижении, большинство все же полагает, что меритократические факторы — типа упорной работы, амбиций и образования — являются наиболее важными [Smith, 1989].

Проект “Социальное неравенство” в рамках исследовательской программы ISSP позволяет проверить, насколько разные страны, по мнению респондентов, близки к достижению меритократического идеала? Подобны или отличны мнения представителей разных классов относительно того, что влияет на жизненный успех или неудачу — сами люди или преимущества, связанные с их социальным происхождением? В проекте для изучения *моделей достижения жизненного успеха* заложены две методики. В данном исследовании использована методика, которую условно называют “доминирующая идеология”. В соответствии с ней респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале (от “чрезвычайно важно” до “совсем не важно”) важность 11 вариантов путей (способов, причин) достижения успеха в жизни¹, сформулированных таким образом: происхождение из богатой семьи; иметь хорошо образованных родителей; лично получить хорошее образование; иметь амбиции, честолюбие; тяжело и упорно трудиться; личные связи с “нужными” людьми; связи в политических кругах; давать взятки; национальность; исповедуемая человеком религия; быть мужчиной или женщиной.

При анализе данных предыдущих волн проекта исследователи особое внимание уделяли шести из перечисленных путей достижения успеха [Evans, 1993: p. 128–130]. Три варианта путей — “происхождение из богатой семьи”, “наличие образованных родителей”, “личные связи с “нужными” людьми” — считали наиболее уместными для характеристики унаследованных классовых преимуществ. Другие три варианта путей — “амбиции, честолюбие”, “умение тяжело и упорно трудиться”, “лично получить хорошее образование”² — считают отражающими личные характеристики и поведение. Эти шесть вопросов, имеющих 5-балльную шкалу ответов от “чрезвычайно важно” до “совсем не важно”, были сведены в единую шкалу посредством построения индекса. Индекс вычислялся путем деления среднего значения трех переменных, отражающих личные характеристики, на среднее значение трех переменных, связанных с классовыми преимуществами. Значение 1,0 указывает, что оба типа объяснений одинаково важны. Чем ближе значение к нулю, тем более люди склонны полагать, что личные признаки (в отличие от связанных с социальным классом) являются наиболее важными для продвижения в их стране.

¹ Вопрос звучал так: “Оцените, пожалуйста, насколько важно то, что я зачитаю, для того, чтобы сделать карьеру, достичь успеха...”.

² Последняя переменная в волне 1992 года имела другое содержание (“природные способности”).

В западных странах на данных предыдущих волн проекта подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что среди представителей среднего класса больше распространена меритократическая концепция достижений, а среди людей рабочего класса — концепция, в достижении успеха учитывающая в большей мере вклад факторов социального происхождения. Мне интересно было сопоставить установки представителей разных классов в отношении достижения жизненного успеха в развитых западных странах и в Украине, проверив тем самым, справедлива ли описанная гипотеза для постсоветского пространства?

Однако сравнительный анализ данных был затруднен тем, что в волне 1999 года необходимые вопросы отсутствовали. В поисках сравнительных данных по западным странам мне пришлось обратиться к массиву 1992 года. Затем был построен описанный выше индекс доминирующих способов достижения успеха¹.

Данные таблицы 6 свидетельствуют, что население Украины склонно видеть причины жизненного успеха в равной мере в личных характеристиках человека и слагаемых его социального происхождения (на это указывает значение шкалы достижений, составляющее 0,96). Население большинства развитых капиталистических стран, взятых для сравнения, жизненный успех в несколько большей мере связывает с индивидуальными достижениями стратегиями, а не с факторами, связанными с классом. В наибольшей степени меритократическая концепция (а значит и идеология индивидуализма) присуща жителям Австралии (0,65) и США (0,69), в наименьшей — Западной Германии (0,86) и Австрии (0,87).

Таблица 6

Классовая позиция и восприятие путей достижения успеха в жизни (среднее значение по описанной шкале достижений)²

<i>EGP-классы</i>	<i>Украина</i>	<i>Австрия</i>	<i>Западная Германия</i>	<i>Швейцария</i>	<i>Венерия</i>	<i>Нидерланды</i>	<i>Велико-британия</i>	<i>США</i>	<i>Австралия</i>
Служебный класс	0,92	0,82	0,86	0,77	0,77	0,73	0,69	0,68	0,62
Промежуточный класс	0,99	0,85	0,85	0,83	0,80	0,74	0,68	0,66	0,62
Мелкая буржуазия	0,98	0,83	0,80	0,80	0,72	0,71	0,71	0,61	0,66
Квалифицированные рабочие	0,96	0,91	0,86	0,87	0,80	0,77	0,71	0,70	0,66
Неквалифицированные рабочие	0,97	0,91	0,87	0,86	0,81	0,82	0,76	0,76	0,72
<i>По выборке в целом</i>	<i>0,96</i>	<i>0,87</i>	<i>0,86</i>	<i>0,81</i>	<i>0,79</i>	<i>0,76</i>	<i>0,71</i>	<i>0,69</i>	<i>0,65</i>
<i>Коэффициент Eta</i>	<i>0,08</i>	<i>0,12</i>	<i>0,08</i>	<i>0,21</i>	<i>0,17</i>	<i>0,10</i>	<i>0,12</i>	<i>0,18</i>	<i>0,14</i>

¹ Автор выражает искреннюю благодарность за консультации и помощь в написании синтаксисов доценту НаУКМА Александру Виноградову.

² Данные западных стран взяты из: [Evans, 1993: p. 129].

Восприятие способов достижения жизненного успеха представителями разных классов в Украине практически однозначно (значение коэффициента *Eta* 0,08). А вот в ряде сравниваемых западных стран фиксируются заметные классовые различия в моделях достижения успеха (сила связи классовой позиции и мнений о способах достижения успеха в них относительно высокая — значение коэффициента *Eta* от 0,21 в Швейцарии до 0,10 в Нидерландах). В этих странах люди рабочего класса (прежде всего неквалифицированные рабочие) в большей мере склонны видеть причины жизненного успеха в сочетании факторов социального происхождения и индивидуальных усилий (среднее значение на шкале достижений ближе к 1), в то время как представители служебного класса в большей степени выделяют фактор личностных качеств (среднее значение стремится к 0).

Класс и восприятие классового конфликта

Одними из важнейших прогнозов Карла Маркса были такие: во-первых, с ростом индустриализации относительный размер заработной платы рабочего класса будет снижаться или сохраняться на уровне, способном обеспечить лишь потребности выживания; во-вторых, трудовые отношения в крупных организациях должны приводить рабочих к пониманию их общей судьбы, положения в обществе и под влиянием этих условий к политически организованной борьбе с целью улучшения своего социального положения. Данные процессы, с точки зрения марксизма, неумолимо ведут к усилению конфликта между управляющими и рабочими, богатыми и бедными, средним и рабочим классами.

Начиная со второй половины XX века, эти тезисы подвергались критике и эмпирической проверке. Ряд исследователей предпринимали попытки измерить классовый конфликт в национальных и международных опросах и отследить его динамику (см.: [Esser, Mohler, Braun, 1986; Smith, 1989; Braun, 1994; Kelley, Evans, 1995; 1999; Delhey, 1999]). Для этих целей во многих исследовательских проектах используются вопросы Вольфганга Запфа, направленные на сигнальное восприятие степени противоположности интересов между разными социальными группами [Zarf, 1978].

Методика изучения восприятия людьми классового конфликта такова¹. Респондентам задают вопрос: “Во многих странах существуют различия или даже конфликты между социальными группами. По Вашему мнению, насколько острый конфликт в Вашей стране между...”. При этом продолжение вопроса имеет вариации: “бедными и богатыми”; “рабочим и средним классом”; “руководящим персоналом и работниками”; “людьми на вершине общества и людьми из низов общества”. Степень восприятия конфликта измеряют с помощью упорядоченной мультиномиальной шкалы логистической регрессии (нет конфликта вообще, не очень острый конфликт, острый конфликт и очень острый конфликт). Ответы по каждому вопросу распределены на равные интервалы между 0 и 100 (“очень острый конфликт” = 0, “острый конфликт” = 33, “не очень острый конфликт” = 67 и “нет конфликта вообще” = 100). Степень восприятия конфликта или консенсуса определяется значением индекса, стремящегося либо к нулю (максимально острый

¹ Об измерительной модели восприятия конфликта подробнее см.: [Kelley, Evans, 1995: p. 163–164; 1999: p. 7–9].

конфликт), либо к 100 (отсутствие конфликта, или консенсус между социальными группами).

В рамках ISSP Дж.Келли и М.Д.Р.Эванс выдвинули и аргументированно подтвердили несколько гипотез [Kelley, Evans, 1995; 1999]. Во-первых, предполагалось, что люди в 11 развитых индустриальных странах, взятых для сравнения, будут осознавать некоторый классовый конфликт, кроме того, острота восприятия конфликта будет больше в англо-кельтских обществах (США, Великобритания и Австралия), чем в Центральноевропейских (Швейцария, Австрия и Германия); тем самым проверялся тезис относительно воздействия государства всеобщего благосостояния в его либерально-консервативной и социал-демократической моделях на восприятие классового конфликта. Во-вторых, изучая влияние объективного социального класса на восприятие классового конфликта, было эмпирически доказано, что социально-структурные эффекты во всех сравниваемых странах исключительно малы. В-третьих, исследуя динамику восприятия конфликта между 1987 и 1997 годами, Келли и Эванс пришли к выводу, что полученные данные не соответствуют марксистским ожиданиям усиления конфликта, напротив, они позволяют утверждать, что социальная политика государства благосостояния заметно (хотя и не в огромных масштабах) снизила классовый конфликт в данных странах. По данным авторов, в среднем степень остроты социального конфликта между бедными и богатыми снизилась примерно на 20%, индустриального конфликта между управляющими и рабочими — на 10%, классового конфликта между рабочим и средним классом — на 10%. Причем в странах, реализовавших социал-демократическую модель, это снижение особенно существенно [Kelley, Evans, 1999: p. 15].

Присоединение Украины к проекту ISSP позволило мне, опираясь на описанную методологию, исследовать, насколько различно восприятие разных видов социального конфликта в постсоветской Украине и западных странах? Отличается ли сила связи социального класса и восприятия конфликта в разных странах? Для измерения восприятия конфликта был построен синтаксис, позволивший вычислить (по вышеописанной формуле) среднее значение шкалы восприятия конфликта/консенсуса.

На основании данных таблицы 7 и рисунка можно судить о выраженности разных видов социального конфликта в украинском и западном обществах. Согласно процентному распределению и среднему значению шкалы конфликта/консенсуса, в Украине среди разных видов конфликта наиболее остро воспринимается конфликт между людьми на вершине общества и людьми из низов общества (средняя по описанной шкале — 45 — находится в интервале между “острым” и “не очень острым конфликтом” — от 33 до 67). В том же интервале фиксируется восприятие конфликта между бедными и богатыми (51) и между руководящим персоналом и работниками (61). Наименее актуальным жителям Украины видится конфликт между рабочим и средним классом (среднее значение по шкале 79 — в интервале между “не очень острым конфликтом” и “отсутствие конфликта” — от 67 до 100).

Рейтинги этих видов конфликта в украинском и развитых капиталистических обществах довольно близки. В среднем в западных странах оценки всех четырех видов конфликта расположены в интервале между “острым” и “не очень острым конфликтом”. Как и в Украине, наиболее остро воспринимается конфликт между людьми на вершине и в низах общества, а наименее

остро — между средним и рабочим классами. Тем не менее в сравниваемых странах есть и отличия, например в средних значениях относительно двух видов конфликта (между руководящим персоналом и работниками, между рабочим и средним классом) — в Украине они ближе к 100, что свидетельствует о менее остром восприятии этих видов конфликта в нашем обществе. Однако анализируя процентное распределение (см. табл. 7), стоит обратить внимание на то, что в Украине значительно выше доля людей, выбирающих крайние оценки — “очень острый конфликт” и “нет конфликта вообще”; в то же время большая часть респондентов западных стран выбирают более умеренные оценки — “острый” и “не очень острый конфликт”.

Таблица 7

**Восприятие населением сравниваемых стран
разных видов классового конфликта**

Степень восприятия классового конфликта	Вид воспринимаемого конфликта							
	Люди из низов общества vs люди на вершине общества		Бедные vs богатые		Руководящий персонал vs работники		Рабочий класс vs средний класс	
	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны
Очень острый конфликт	30,0	16,2	22,0	6,7	9,9	6,5	3,8	2,2
Острый конфликт	27,2	37,9	27,8	30,3	25,2	34,6	10,2	14,9
Не очень острый конфликт	21,1	38,0	24,2	54,8	35,5	53,2	30,8	64,5
Нет конфликта вообще	21,8	7,9	26,0	8,2	29,3	5,7	55,9	18,4
Средняя консенсуса/конфликта	45	46	51	55	61	52	79	66
Количество респондентов	1552	9571	1587	9694	1550	8710	1589	9686

Анализируя сравнительные данные взаимосвязи объективных классовых позиций и восприятия разных видов конфликта, следует констатировать, что, судя по низкому значению коэффициента *Eta* (от 0,04 до 0,11), сила связи этих переменных во всех сравниваемых странах очень мала (см. табл. 8). Пожалуй, можно отметить такую тенденцию: в западных странах восприятие всех видов конфликта у представителей служебного класса и мелкой буржуазии несколько отличается от остальных. Причем их оценки во всех случаях направлены в сторону восприятия консенсуса между социальными группами, то есть меньшей остроты осознания конфликта. Представители же промежуточного класса, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, наоборот, в относительно большей мере склонны видеть отношения между разными социальными группами как конфликтные.

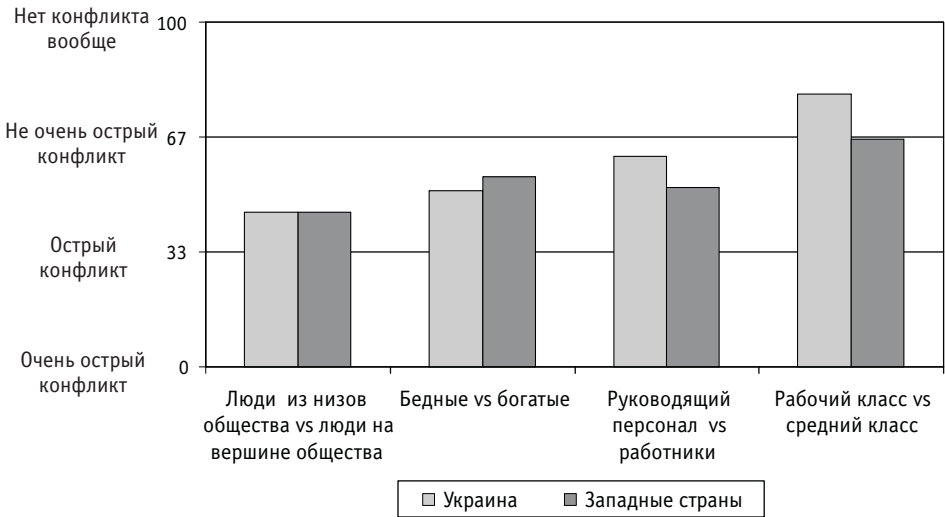


Рис. Восприятие разных видов конфликта в сравниваемых странах (средняя по шкале консенсуса/конфликта)

Таблица 8

Восприятие разных видов классового конфликта среди представителей EGP-классов (средняя по шкале консенсуса/конфликта)

EGP-классы	Люди из низов общества vs люди на вершине общества		Бедные vs богатые		Руководящий персонал vs работники		Рабочий класс vs средний класс	
	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны	Украина	Развитые западные страны
Служебный класс	48	48	54	58	64	55	80	68
Промежуточный класс	42	43	50	52	62	50	82	64
Мелкая буржуазия	48	48	52	57	58	55	75	68
Квалифицированные рабочие	43	43	50	54	60	51	80	66
Неквалифицированные рабочие	43	43	51	52	60	50	79	65
По выборке в целом	45	45	51	55	61	52	79	66
Коэффициент Eta	0,07	0,09	0,04	0,11	0,06	0,09	0,06	0,09

Итак, украинцы по восприятию разных видов классового конфликта довольно подобны населению развитых западных стран. Наиболее острым

осознается конфликт между людьми на вершине общества и в его низах, а наименее актуальным считают конфликт между рабочим и средним классом. Оказалось, что объективные классовые позиции практически не влияют на восприятие конфликта в обществе: представители разных социальных классов подобным образом оценивают разные виды конфликта. Как тенденцию следует отметить, что несколько острее воспринимают все виды конфликта представители рабочего класса. Конечно, знание спектра социальных установок населения Украины в отношении разного вида конфликтов было бы продуктивно сопоставить с фиксацией того, как эти установки реализуются в реальных социальных конфликтах разного типа — забастовках, производственных и бытовых конфликтах.

Предварительные выводы и заключение

Если следовать предложенной Манном типологии уровней зрелости классового сознания, то полученные данные позволяют судить о состоянии двух его нижних уровней в западных странах и в Украине.

Очевидно, что первый уровень классового сознания — уровень классовой идентификации — достаточно сформирован во всех сравниваемых странах, поскольку около двух третей представителей рабочего и среднего классов идентифицируют себя с соответствующими классовыми позициями. Связь между объективным и субъективным рабочим классом оказалась довольно сильна во всех странах, причем в постсоветской Украине она выше, чем в развитых капиталистических обществах (значение *Eta* 0,43 и 0,31 соответственно).

Анализ ряда показателей второго уровня классового сознания — осознания людьми противоположности классовых интересов (операционализированных в данном проекте в виде установок относительно социального неравенства) — показал, что высокий уровень классовой идентичности не гарантирует адекватного осознания представителями разных классов специфичности их классовых интересов. В целом классовые различия в социальных установках низкие — значение *Eta* до 0,15. Причем проблема не в рабочем классе — как раз установки его представителей вполне ожидаемы и объяснимы, а именно: высокий уровень восприятия и неравенства в доходах, несправедливости заработной платы, необходимости перераспределения доходов и осознания разных видов классового конфликта. Скорее, представители мелкой буржуазии и верхнего служебного класса слабо осознают специфичные интересы, которые отличали бы их от других классов. Они вполне разделяют критические установки рабочего класса. Фиксируется лишь тенденция (главным образом в западных странах) более критичного восприятия рабочим классом социального неравенства в доходах и заработной плате и наличия социальных конфликтов по сравнению с представителями других классов, однако эти различия отнюдь не выражают ситуацию классового противостояния.

Резюмируя результаты, важно сформулировать и обсудить проблемы теоретической концептуализации и эмпирического измерения классового сознания, которые могут влиять на адекватность сделанных выводов.

Во-первых, вывод о высоком уровне классовой идентичности респондентов (в частности, рабочих) нуждается, на мой взгляд, в дополнительной

проверке, поскольку заложенный в проекте ISSP подход к измерению классовой идентичности кажется мне недостаточно надежным. Как показал опыт его применения, в ситуации массового опроса респонденты довольно легко идентифицируют свою классовую принадлежность при наличии закрытой шкалы с перечнем классовых категорий. Однако в практике глубинных интервью с рабочими я сталкивалась с тем, что их классовая идентификация отнюдь не является спонтанной и четкой, она, скорее, ситуативная и формальная, не имеющая эмоционального наполнения и значимости в повседневной жизни. На мой взгляд, нужны более тонкие методические инструменты для изучения классовой идентичности¹.

Во-вторых, стоит поставить вопрос: отражают ли данные о слабой связи социального класса и установок реальное положение дел или все-таки на них влияет проблема измерения? Например, Майкл Уоллес и Азамат Джепперсон [Wallace, Jepperson, 2004] предположили, что слабое воздействие класса на социальные установки представителей капиталистического класса можно объяснить тем фактом, что в выборку массовых опросов крайне редко попадают владельцы и менеджеры крупного и среднего бизнеса, а также государственные служащие и администраторы высшего звена, которые, собственно, и являются носителями интересов, противоположных интересам рабочего класса. Мелкие же работодатели и самозанятые вполне могут разделять с наемными работниками некоторую враждебность по отношению к крупным корпорациям, их владельцам и менеджерам. Соглашусь с авторами, которые полагают, что представительство крупного и среднего капитала в выборке неизбежно выявило бы ожидаемую оппозицию классовых интересов.

В-третьих, на основании имеющихся данных можно уверенно говорить о наличии у большинства людей во всех классах и во всех странах глубинного недовольства, направленного против капиталистов и руководителей бизнеса². Однако, несмотря на фиксирование высокого уровня негативных классовых установок, использованный нами методический инструмент имеет ряд ограничений, не позволяющих судить о перспективах формирования революционной сознательности. Первое ограничение — он применим для измерения только двух нижних уровней зрелости классовой идентичности (классовой идентичности и осознания классовых интересов). Для преодоления этого ограничения необходим поиск и апробирование методических подходов, адекватных и достаточных для суждений о более высоких уровнях сознания³. Второе ограничение состоит в том, что заложенный в проект подход не дает эмпирических возможностей для изучения связи между классовым сознанием и классовым действием. Очевидно, что если рабочие

1 Удачным примером является, например, методика изучения классовой идентичности Райта. Желательно найти возможность ее апробации и проверки полученных данных.

2 Кстати, в западных обществах в большей мере фиксируются ожидаемые классовые установки (то есть выше влияние классовой позиции на социальные установки), в то время как сила связи объективного и субъективного класса относительно больше в Украине.

3 Необходим отечественный опыт применения таких тонких методических подходов, как, например, этнографическое исследование забастовки, которое может обеспечить важную информацию о динамике потенциально революционной ситуации на микроуровне [Fantasia, 1988], биографическое исследование смены классовой идентичности [Skeggs, 1997, 2003] и т.п.

разделяют убеждения о высоком уровне классовой оппозиции, само по себе это еще не гарантирует, что они будут действовать как класс с целью изменения социальных обстоятельств их жизни. Дальнейшего исследования (и соответственно поиска адекватных методических подходов) требуют следующие важные вопросы. Какова в украинском обществе реальная связь между классовым сознанием и классовыми действиями? Каковы причины того, что крайне высокий уровень установок в отношении социального неравенства доходов и восприятия разного вида социальных конфликтов как “острых” не реализуется в протестных практиках? Почему не формируются следующие, более высокие уровни классового сознания?

В-четвертых, очевидно, что для уверенных выводов о состоянии классового сознания в Украине нужны данные как национальных массивов разных лет (сопоставление которых позволит понять, каким образом оно изменяется под влиянием различных исторических условий), так и международных массивов (чтобы судить о специфике классового сознания в разных политических, экономических, культурных средах). Ограниченность же принятого в этой статье анализа состояния классового сознания в украинском обществе, с одной стороны, связана с наличием национальных данных только одного года (2009), что не позволяет судить, как изменялся уровень поляризации классовых интересов в Украине в разные исторические периоды; увеличивалась или уменьшалась доля людей, имеющих классовую идентичность. С другой стороны, все сформулированные выводы носят предварительный характер, поскольку сделаны на основе сравнения данных 10-летней давности. Польза такого предварительного анализа — в возможности развить теоретическую чувствительность к проблематике классового сознания, освоить разработанные специально для проекта ISSP теоретико-методологические подходы исследования классового сознания, апробировать соответствующие методики и статистический аппарат анализа данных.

В-пятых, остаются сомнения по поводу того, как концептуализировать такое сложное и динамическое явление, как классовое сознание, и каким образом его измерять. Вполне оправданно, что в целях сравнительного исследования за основу были взяты инструментарий и схема анализа, заложенные в методическом аппарате исследования ISSP. На мой взгляд, необходимо обсудить, насколько такой подход валиден для анализа классового сознания в постсоветских обществах. Представленные данные интересно было бы сравнить с результатами изучения классового сознания, предпринятого в рамках других теоретико-методологических подходов.

Несмотря на изложенные выше ограничения, полученные данные дают представление о латентных классовых конфликтах, которые, не реализуясь в открытой форме, тем не менее формируют социальные и культурные изменения в западном и постсоветском обществах. Поэтому у меня нет сомнений в важности непрерывного изучения тезиса Маркса о связи между классовой поляризацией и классовым сознанием в нереволюционные периоды развития капитализма. В связи с этим важными исследовательскими задачами, на мой взгляд, являются создание и апробирование модели мониторинга разных уровней классового сознания в украинском обществе, а также связи классового сознания и классового действия (задача, которая не охватывается методологической программой ISSP). Наши данные могут пред-

ставлять собой контрольные показатели уровня классового сознания для будущих исследований, которые (при условии регулярного проведения) способны пролить свет на зависимость колебаний уровня классового сознания от реальных изменений в экономике и политической сфере. Надеюсь, что представленные данные послужат вкладом в актуализацию этой классической социологической проблематики в повестке дня отечественных исследований.

Литература

- Грашви А.* Тюремные тетради : в 3-х ч. Ч. 1 / Грашви А. — М. : Политиздат, 1991.
- Дилигенский Г.Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп / Дилигенский Г.Г. // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. — М.: Наука, 1975. — С.196–205.
- Лукач Г.* История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Лукач Г. ; пер. с нем. С. Земляного. — М. : Логос-Альтера, 2003.
- Манхейм К.* Идеология и утопия. Ч. 1 / Манхейм К. — М. : ИНИОН РАН, 1992.
- Маркс К.* Манифест коммунистической партии. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — [2-е изд.]. — М. : Гос. изд-во политической литературы, 1955. — С. 419–459.
- Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Маркузе Г. ; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина ; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. — М. : АСТ, 2002.
- Aronowitz S.* False promises: The Shaping of American Working Class Consciousness / Aronowitz S. — N. Y. : McGraw-Hill, 1973.
- Bott E.* Family and social network / Bott E. — London : Tavistock, 1957 (1971).
- Bottero W.* Class Identities and the Identity of Class / W. Bottero // Sociology. — 2004. — Vol. 38, № 5. — P. 985–1003.
- Braun M.* On Measuring Societal Conflict. Unpublished memorandum / Braun M. — (Mannheim, Germany, 1994).
- Brint S.* The Politics of Professionals in Five Advanced Industrial Societies / Brint S., Cunningham W.L., Lee R.S. // Citizen Politics in Post-Industrial Societies. — Westview Press, 1997. — P. 113–142.
- British and European Social Attitudes: The 15th BSA Report / [R. Jowell, J. Curtice, A. Park, A. Brook, K. Thomson, C. Bryson, eds.]. — Aldershot : Ashgate, 1998.
- British Social Attitudes: Special International Report / R. Jowell, Sh. Witherspoon, L. Brook, eds. — Aldershot : Gower, 1989.
- Buttel F.H.* Sources of Working Class Consciousness / F.H. Buttel, W.L. Flinn // Sociological Focus. — 1979. — № 12. — P. 37–49.
- Cappelli P.* Change at Work / [Cappelli P., Bassi L., Katz H., Knoke D., Osterman P., Useem M.]. — N. Y. : Oxford University Press, 1997.
- Chinoy E.* Automobile Worker and the American Dream / Chinoy E. — Boston : Beacon Press, 1955.
- Class imagery // Oxford Dictionary of Sociology / J. Scott, G. Marshall (Eds.). — Oxford University Press, 2005. — P. 74.
- Centers R.* The Psychology of Social Classes / Centers R. — Princeton ; N. J. : Princeton University Press, 1949.
- Class Awareness // Oxford Dictionary of Sociology / J. Scott, G. Marshall (Eds.). — Oxford University Press, 2005. — P. 72–73.
- Davis M.* Prisoners of the American Dream: Politics and Economy in the History of the U.S. Working Class / Davis M. — London : Verso, 1986.
- Delhey J.* Inequality and Attitudes. Postcommunism, Western Capitalism and Beyond / Delhey J. — (Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 1999. FS III 99 — 403).

- Durrenberger E.P.* Explorations of Class and Consciousness in the U.S. / E.P. Durrenberger // Journal of Anthropological Research. — 2001. — Vol. 57, № 1. — P. 41–60.
- Edwards R.* Contested Terrain: The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century / Edwards R. — N. Y. : Basic Books, 1979.
- Elster J.* Marxism, Functionalism and Game Theory: The case for methodological individualism / J. Elster // Theory and Society. — 1982. — № 11. — P. 453–482.
- Elster J.* Making Sense of Marx / Elster J. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Esser H.* Measuring Social Conflicts. Presentation to the April 1986 Planning Meeting of the ISSP / Esser H., Mohler P., Braun M. — (Mannheim, Germany, 1986).
- Evans G.* Class Conflict and Inequality / Evans G. // International Social Attitudes: the 10th BSA report. — SCPR, 1993. — P. 123–142.
- Evans G.* Identifying Class Structure: A Latent Class Analysis of the Criterion Related and Construct Validity of the Goldthorpe Class Schema / G. Evans, C. Mills // European Sociological Review. — 1998. — № 14(1). — P. 87–106.
- Fantasia R.* Cultures of Solidarity: Consciousness, Action, and Contemporary American Workers / Fantasia R. — Berkeley, CA : University of California Press, 1988.
- Goldthorpe J.* The Affluent Worker in the Class Structure / [Goldthorpe J., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J.]. — Cambridge : Cambridge University Press, 1969.
- Halsey A.H.* Origins and Destinations: Family, Class and Education in Modern Britain / Halsey A.H., Heath A.F., Ridge J.M. — Oxford : Clarendon Press, 1987.
- Heath A.* Understanding Political Change: the British Voter 1964–1987 / [Heath A., Jowell R., Evans G., Field J., etc.]. — Oxford : Pergamon, 1991.
- Hodge R.W.* Class Identification in the United States / R.W. Hodge, D.W. Treiman // American Journal of Sociology. — 1968. — № 73. — P. 535–547.
- Huber J.* Income and Ideology / J. Huber, W. Form. — N. Y. : The Free Press, 1973.
- Ichheiser G.* Misunderstandings in Human Relations: a Study in False Social Perception / G. Ichheiser // American Journal of Sociology. — 1949. — № 55. — P. 1–70.
- International Social Attitudes: The 10th BSA Report. Aldershot / R. Jowell, L. Brook, L. Dowds, eds. — Dartmouth Publishing, 1993.
- Jackman M.R.* Class Awareness in the United States / M.R. Jackman, R.W. Jackman. — Berkeley : University of California Press, 1983.
- Kalleberg A.L.* Class, Occupation, and Inequality in Job Rewards / A.L. Kalleberg, L.J. Griffin // American Journal of Sociology. — 1980. — № 85. — P. 731–768.
- Kelley J.* Class and Class Conflict in Six Western Nations / J. Kelley, M.D.R. Evans // American Sociological Review. — 1995. — Vol. 60, № 2. — P. 157–178.
- Kelley J.* Does the Welfare State Reduce Class Conflict? / J. Kelley, M.D.R. Evans. — (Paper presented through ISA, RC 28 May 1999).
- Kluegel J.* Beliefs about Inequality / J. Kluegel, E. Smith. — N. Y. : Aldine De Gruyter, 1986.
- Leggett J.C.* Class, Race, and Labor: Working Class Consciousness in Detroit / Leggett J.C. — N. Y. : Oxford University Press, 1968.
- Levi I.* Identity and Conflict / I. Levi // Social Research. — 2007. — Vol. 74, № 1. — P. 25–50.
- Lockwood D.* Sources of Variation in Working Class Images of Society / D. Lockwood // Sociological Review. — 1966. — № 14. — P. 249–267.
- Lockwood D.* The Blackcoated Worker: A Study in Class Consciousness / Lockwood D. — [2nd ed.]. — London : Clarendon Press, 1989.
- Lopreato J.* Class, Conflict, and Mobility: Theories and Studies of Structure / J. Lopreato, L.E. Hazelrigg. — San Francisco : Chandler, 1972.
- Mann M.* Consciousness and Action Among the Western Working Class / Mann M. — London : Macmillan, 1973.

- Marshall G.* Repositioning Class / Marshall G. — London : Sage, 1997.
- Marshall G.* Some Remarks on the Study of Working Class Consciousness / G. Marshall // *Politics and Society*. — 1983. — № 12. — P. 263–302.
- Marshall G.* Social Class in Modern Britain / [Marshall G., Newby H., Rose D., Vogler C.]. — London : Hutchinson, 1988 (1993).
- Modern Society and Values. A Comparative Analysis Based on ISSP Project / N. Tos , P. Mohler, B. Malnar, eds. — Ljubljana : FSS, University of Ljubljana ; Mannheim : ZUMA, 1999.
- Popitz H.* Technik und Industriearbeit: Soziologische Untersuchungen in der Huttenindustrie / [Popitz H., Bahrdr H.P., Jures E.A., Kesting H.]. — Tubingen, 1957.
- Rosenberg M.* Perceptual Obstacles to Class Consciousness / M. Rosenberg // *Social Forces*. — 1953. — № 32. — P. 22–27.
- Sallach D.L.* Class Domination and Ideological Hegemony / D.L. Sallach // *The Sociological Quarterly*. — 1974. — № 15. — P. 38–50.
- Savage M.* Working Class Identities in the 1960's: Revisiting the Affluent Worker Study / M. Savage // *Sociology*. — 2005. — № 39 (5). — P. 929–946.
- Savage M.* Ordinary, Ambivalent and Defensive Class Identities in the Northwest of England / M. Savage, G. Bagnall, B. Longhurst // *Sociology*. — 2001. — № 34 (4). — P. 875–892.
- Skeggs B.* Formations of Class and Gender: Becoming Respectable / Skeggs B. — London : Sage, 1997.
- Skeggs B.* Class Self Culture / Skeggs B. — London : Routledge, 2003.
- Smith T.* Inequality and Welfare // *British Social Attitudes: Special International Report* / Smith T. ; R. Jowell, S. Witherspoon, L. Brook (eds.). — Aldershot : Gower, 1989.
- Sobel M.M.* Men Matter More: The Social Class Identity of Married British Women. 1985–1991 / [M.M. Sobel, De M.D. Graaf, A. Heath, Y. Zou] // *Journal of the Royal Statistical Society*. — 2004. — № 167 (1). — P. 37–52.
- SurrIDGE P.* Class Belonging: a Quantitative Exploration of Identity and Consciousness / P. SurrIDGE // *The British Journal of Sociology*. — 2007. — Vol. 58. — P. 207–226.
- Tajfel H., Turner J.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J. Turner // S. Worchel, W. Austin. *Psychology of Intergroup Relations*. — Chicago: Nelson-Hall, 1986. — P. 7–24.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. — N.Y.: Random House, 1963.
- Vanneman R.* The American Perception of Class / R. Vanneman, L. Weber Cannon. — Philadelphia : Temple University Press, 1987.
- Vallas S.P.* Rethinking Post-Fordism: The Meaning of Flexible Work / S.P. Vallas // *Sociological Theory*. — 1999. — № 17. — P. 68–101.
- Wallace M.* Finding Class Consciousness in the New Economy / M. Wallace, A. Junisbai // *Research in Social Stratification and Mobility*. — 2004. — Vol. 20. — P. 385–421.
- Wright E.O.* Class Counts: Comparative Studies in Class Analyses / Wright E.O. — Oxford : Oxford University Press, 1997.
- Wright E.O.* The Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness: An Overview / E.O. Wright // *Acta Sociologica*. — 1989. — № 32. — P. 3–32.
- Wright E.O.* Marxist Class Categories and Income Inequality / E.O. Wright, L. Perrone // *American Sociological Review*. — 1977. — № 42. — P. 32–55.
- Wright E.O.* Temporality and Class Analysis: A Comparative Analysis of the Effects of Class Trajectory and Class Structure on Class Consciousness in Sweden and the United States / E.O. Wright, K.Y. Shin // *Sociological Theory*. — 1988. — № 6. — P. 54–84.
- Zapf W.* Welfare Survey: Questionnaire / Zapf W. — (Koeln, Germany, 1978).
- Zweig F.* The Worker in an Affluent Society / Zweig F. — London : Heinemann, 1961.